ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ

СТИХИ

ПАРИЖ
1975

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ

СТИХИ

ПАРИЖ
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО « РИФМА », ПАРИЖ
Тираж 500 экз.
из них 50 нумерованных

И днем и ночью кот ученый
все ходит по-цепи кругом.

А.С. Пушкин

Парапсихическое ощущенье
Реальной нереальности. И вот
Предчувствуя стихотворенье
Ко мне слетает вдохновенье
И ямбами мурлычит кот.
Мой мудрый кот, мой кот ученый
Суть политических интриг
И стихотворные законы
Мой мудрый кот вполне постиг
И в парапсихику проник —
Она не для его персоны.

Он потянулся полусонный,
Взмахнул хвостом, в окошко прыг!
И побежал на Лукоморье.

1975

Королевская мантия
И корона рассыпались в прах...

Надоели мне анти-я
Анти-я, что живут в зеркалах,
И в стихах моих и грехах,
Ну, конечно и в добрых делах
Тех, что я по ошибке творю.

Лишь под утро встречая зарю,
Расцветающую за окном,
Между полусознаньем и сном
Я не больше пяти минут
Настоящая.
А потом —
Ничего не поделаешь тут —
День идет своим чередом
Превращая меня в другую,
Иль точнее в многих других
Анти-я мне почти враждебных,
Анти-я обманно волшебных
Лже несносных — как много их!

До чего же они, до чего-же
На меня совсем не похожи!

1975

Ю. Терапиано

Тень пространства, времени тень,
День сегодняшний, день вчерашний,
Ну, конечно и завтрашний день...

Я живу в поднебесьи, на башне
Неуютно и тесно живу
Не во сне, а впрямь, наяву
Как во чреве кита Иона,
Без комфорта и без телефона,
Так, как жили во время оно,
А не в атомные года.

Прилетает ко мне иногда
Ведьма со Брокена для развлеченья,
Чтоб со мною писать стихи,
От безудержного вдохновенья
Превращать их в лесные мхи,
В мухоморы и лопухи,
В отголоски райского пенья —
Те, что в памяти прозвучат
У моих нерожденных внучат,
Как надежда и как утешенье

Я.Н. Горбову

Снег — серебрянный порошок —
Щедро сыпят добрые тучи,
До чего же мне хорошо
Никогда не бывало лучше !..

Твердо помню — теперь девятьсот
Семьдесят пятый год —
Год всемирного заката, —
До которого я когда-то
И не думала, что доживу,

Только это совсем негоже.
Чепуха. Ни на что не похоже
Но со мной — не во сне — наяву
Очень странное что-то творится
Будто время идет для меня
Час от часу, день ото дня
Не вперед, а назад
Будто я становлюсь моложе
А не старше, чем прежде была.

Я смотрю из окна на сад —
Все в саду на праздничный лад
По весеннему веселится.
Вот слетев на обрубок ствола
Вдруг запела Синяя Птица
Круглоглазая как сова —
Птица счастья из сказочной зоны :

« Жизнь прошла. Безвозвратно прошла.
Жизнь прошла, а молодость длится ».
И в ответ ей мой кот ученый,
Мудрый кот лукоморный мой,
Замурлыкал : — Постой, постой.
Дай подумать... Эти слова
Ты когда-то давно написала,
Но теперь лишь мне ясно стало
До чего ты была права.

1975

АНТИТЕЗА

Довольно вздор нести
Про ту страну куда Макар,
Кипя как самовар,
Телят, а не котят,
Гонял иль не гонял.
Из щепетильности я жизень потерял.
Но это до меня уже Рембо сказал.
Рембо сказал
Я повторила —
Чужое часто очень мило
И даже — до чего! милее своего.

Так вот: под Рождество
Слова — не знаю для чего —
Бегут, как на вокзал
К отходу поезда.
Им Вифлеемская звезда
Сквозь суть и муть
Столетий и столетий
Указывает верный путь
Ведущий прямо в никуда.

Звонок последний, третий...

Как много надо слов,
На этом свете
Предлогов, междометий,

Недоговорок, строк и строф
Пред тем,
Как повздыхав дней семь,
Спросить свою судьбу —
Задать ей напрямик вопрос-табу :
— А жил я, собственно, зачем ?
Не удостоясь от судьбы ответа,
Отнюдь с ней не вступать в борьбу,
Но все же, несмотря на это, —
Пустить себя в трубу :
С улыбкою на лбу,
Уютно лечь в гробу
Став, наконец, и глух и нем
Исчезнуть насовсем —
До перевоплощения,
До следующего рождения
В Египте ? Индии ? Иль Полинезии ?

Здесь у Поэзии,
Рассчитывая на ее ко мне благоволение,
Осмеливаюсь я просить прощения
За мной, в нее вводимое, нововведение,
За мой

Постскриптум :

Вижу разум
Зашел за ум,
Без подготовки, разом.
С размаху, наобум
Рассыпался по фразам
По городским садам,
Аэропланным базам,
И ординаторам,
Повсюду — тут и там —
Пока под утро, августа второго
Не докатился вдруг до Пскова...

Сомненье — мудрости основа.
Поэтому то я признать готова
Моих неточностей прилив-отлив,
Моих ошибок океанский риф
И всякие там шуры-муры
Хотя в них не участвуют амуры.

Особо подчеркнула я-б
Строку где о нововведеньи речь
Сиречь
Тот шестистопный ямб
Который
Подумать страшно — без цезуры !
Засим я — ненавидя споры —
Согласна правильно « жизнь », а не « жизень »
Не « насовсем », а « навсегда »
Но, извините, я капризен,
Вернее я капризна. Даже очень.
Язык мой ангельски неточен,
Акробатичен и порочен,
Я сознаюсь в том без труда.
Мне нравятся созвучья лиро-лирные,
Бароко — рококо — ампирные
Не значущие ничего.
Мне нравятся неправильности речи —
Я ими щегольнуть не прочь —
Они горят, как елочные свечи,
Как обещания волшебной встречи
В рождественскую ночь.
Ах Рождество...

На этом « Ах »...
И многоточии
Кончается мое стихотворение —
В порыве яростного вдохновения
Парапсихического откровения,

Написанное ретро-авангардно,
Гипопотамно-леопардно,
К тому-ж гиперреалистично —
И не за совесть, а за страх.

Не знаю, как кому,
Что до меня оно мне, лично,
И по душе, и по уму
И льстит тщеславью моему —
Какой полет! Какой размах!
Но, знаю, авторы не вправе
Себя превозносить и славить —
Недопустимо! Неприлично!
И можно многое еще в вину поставить
Стихотворенью моему:
Длинноты. Надо бы короче и
Без синтаксических истерик,
Без «открывания Америк»
И гиперреализм здесь не к чему.
Да, я пишу не то, — не так,
Как впрочем и другие прочие
Мне современные поэты.
Они под спудно мной воспеты:
То, что неясно и темно
Их славою освещено,
Сияньем их озарено.

Посткриптум лишь для разъяснения
Читателей недоуменья —
А может быть и возмущения —
Его принять прошу я как,
Любви и уваженья знак,
Ко всем, кто дышет в мире этом
И ко всему, что в нем растет.
А главное, ко всем поэтам.

1975

Я благодарна небу и судьбе
За то, что я так много лет живу на свете.
С надеждой ожидая завтра
И не жалея о вчера.

За то что нежный, снежный вечер жизни
Принес с собой мне Лампу Аладина,
Ту лампу, что своим волшебным светом
Рассеивает мрак, тоску и скуку
И превращает будни в праздник,
Очарование и торжество.

1974

Ренэ Герра

Ненароком,
Скоком-боком
По прямой и по кривой
Время катится назад
В Петербург и в Летний Сад.

Стало прошлое так близко,
Тут оно — подать рукой —
И проходят предо мной
Друг за другом, чередой,
« Я » помянутые ниже :
« Я — подросток », « Я — студистка »
С бантом, в шубке меховой,
« Я — невеста », « Я — жена »
(Это, впрочем, уж в Париже)
И печальна и грустна,
До прозрачности бледна,
Молча в черное одета,
Вот проходит « Я — вдова
Знаменитого поэта »...

Только было ли все это ?
Или это лишь слова ?
Лишь игра теней и света ?

Хоть бесспорно жизнь прошла,
Песня до конца допета
Я все та же, что была
И во сне и на яву
С восхищением живу

1961-1973

О том, что мы живем, о том, что мы умрем,
О том, как грустно все и как непоправимо.
Г. Адамович

Он мне полушутя писал из Ниццы :
« Живу, как в глупом сне. Неладное мне снится.
И ясно, что — пора, мой друг, пора ! —
Тебя уже заждались там !
А вот не хочется... А вам ? »

Прозрачная, медлительная ночь
И снова мне не спится оттого,
Что я не сделала ему добра,
Что не сумела я помочь
Его томительному одиночеству.
Мы были с ним близки и далеки.
Так — я всегда звала его
По имени и отчеству,
А он меня мадам.

Ни разу не сказала я о, нет !
— Жорж, дорогой, единственный, любимый,
Чтобы утешить вас, я все отдам...

...А за окном тоскует лунный свет
О том, как грустно все и как непоправимо.

1973

Наталии Александровне Зербино

А если нет, а если да?
И где, скажите, и когда —
Сейчас, сегодня иль потом
В день Страшного Суда?

Луна таинственно блестит,
Ночь дышит сном и колдовством
Лисица по полю бежит
И заметает лапок след,
На аметистовом снегу,
Своим сияющим хвостом.
И тихо-тихо все кругом,
И лунный свет. И ни гу-гу...

А вдруг пушистый лисий хвост —
Он серебристо черно-бур —
Преобразится в легкий мост
И я по нем перебегу
Домой, в Россию, в Петербург
И там останусь навсегда
И что тогда?
Нет или да?

1973

Лунный блик и горсточка пыли,
Иль точней — уголек в золе.
Все мы пишем, чтоб нас не забыли,
Чтоб оставить след на земле.

Но в конце двадцатого века
Быть поэтом почти что грешно
И, пожалуй, даже смешно —
Этот склад авангардных затей,
Эти поиски новых путей
С белой палкой, как нищий-калека.
« Ночь. Улица. Фонарь. Аптека »...
Так теперь не напишет никто.

Современники, братья-поэты —
Сколько ни было-б нас, хоть сто —
Нет меж нас ни звезды, ни кометы,
Все мы канем в медлительность Леты,
На земле не оставив следа.

1973

Я — поэт и вдова поэта.
Это очень важно. За это
Мне наверно простятся грехи
И за то, что пишу я стихи,
Те, что сводят людей с ума,
Как с ума я схожу сама.

Я — поэт и вдова поэта —
Беззаконнейшая комета,
У которой в поющей крови
Мало шариков красных, но много любви
А свободы хоть отбавляй.

Мой читатель, мой почитатель,
Друг неверный прощай, прощай!
Да, прощай, а не досвиданья.
Что мне слава и что почитанья,
Что мне Англия или Китай?

Я слагаю в стихи слова
Так, что кругом идет голова,
Как волчек,
И, кружась меж рифмованных строк
Поднимаясь все выше и выше,
Вот пробив головой потолок
Разбросав черепицы крыши
Превращаюсь я вдруг в сиянье,
В крылья ласточки, в Древо Познанья
Мирового добра и зла,
В длинноухую тень осла.

1972

Я во сне и наяву
С наслаждением живу.
И.О.

Я с юности всегда умела
В улыбку и веселье превращать
Отчаянье,
И в праздники —
Безрадостные будни.
И всем вокруг меня —
И даже мне самой —
Казалось, невозможно быть
Счастливее меня.
И долго на земле я так жила,
Добра не делая, не помня зла,
Гордясь собою и своим уменьем
Во сне и наяву
Жить с наслажденьем.
И вот теперь
Оглядываясь, как с горы,
На прошлое мое,
Я вижу ясно,
Что нет в нем дня,
Нет даже часа,
Который бы хотела
Я заново, вторично пережить
И, значит, я всегда была несчастна.
Ни в книгах, ни в людских сердцах
Следа я не оставлю по себе.
И, значит, жизнь я прожила напрасно
И лучше бы мне вовсе не родиться.
Да, это так, и это очень больно.
И все-таки наперекор всему —
Сама не понимая почему —
Я продолжаю улыбаться
И в праздник будни превращать.

1971 г.

Как этот летний вечер тих,
Как нежно стелится и вьется
Тень будущего здесь, у ног моих.
Луна плывет по легким облакам,
В ее магическом сияньи
Где будущее стало прошлым,
А прошлое воркует голубком,
Жасминовым кустом, цветут, благоухая
Мои надежды и мечты —
Те, что меня так горько обманули,
Но обернулись все таки победой,
Восточной засияв звездой
Над неудавшейся моей судьбой.

— Но погоди, постой, постой !
А как же я, а как же ты,
Теперь, когда мы встретились с тобой
Не в прошлом-будущем,
А в настоящем ?
Не там когда-нибудь,
И не когда-то там,
А здесь — сегодня и сейчас ?

О, неужели и для нас
Еще не кончена игра
И будут завтра и вчера —
Дни лучезарные
И ночи до утра
На самом деле ?..

1969

Г.И.

В рассветный час метаморфоз
Шиповник, что здесь ночью рос,
Орлицей в тучи улетел
И лепестки ширасских роз —
Душистой прелести предел —
Как рифмы падают попарно
На волны озера Локарно,
Вернее, на Лаго Маджоре
Вдруг превратившееся в море.

А я — не знаю я иль ты? —
С междупланетной высоты,
Волнуясь, мучась и любя,
Твоими жадными глазами,
Гляжу прищурясь на себя,
Как на портрет в зеркальной раме.

1968

Я в руку камушек беру
И согреваю его своим дыханьем
И вот он исчезает,
                                        он превращается в змею,
Свисающую с гибкой ветки ивы,
В благоуханное дыханье сонных роз,
В прозрачное очарованье
Июльской, лунной ночи и
Ширококрылым вдохновеньем
Перелетает океан,
Чтоб звездной музыкой наполнить слух
Мне незнакомого поэта.

А я испуганно гляжу
На узкую свою ладонь
И начинаю
Взволнованно, как в полусне,
Ритмично повторять слова
Слова, что прозвучат
В еще никем не созданных стихах,
Преображая
До дыр и вздрызг изношенную тему
О жизни,
                смерти
                                и любви.

1968

Ренэ Герра

« Вращается Фортуны колесо »,
Но я не думаю об этом.
Желанье стать простым предметом,
Обожествленным Пикассо,
Всю ночь тревожило меня, —
Серебряною ложечкой звеня,
Подсвечником иль утюгом —
Перенестись на полотно
Бессмертным красочным пятном.
Хочу, чтоб было мне дано
Милльоны стоить и в музее,
Недели, годы и века,
Пока течет — « времен река », —
Мной восхищались ротозеи.

1967

Луна качается на облаках
То умирая,
                    то воскресая.
Нет, я в жизни совсем другая,
Чем в стихах,
Так, скажите, с какой же стати
Стану вам я, мой друг читатель,
Под обманчивой луной
Назначать свидание с собой?

1967

Ирине Сабуровой

Нежданно, хоть, пожалуй, зря,
В ночь на восьмое октября
Открылся мне и стал понятен
Тот хрупкий параллельный мир,
Где вздохи муз и всплески лир,
И много звездных пятен,
Где все пути ведут к добру,
Где жизнь похожа на игру,
На зеркало в хрустальной раме,
Где нет ни дерева, ни пня,
Гри тигры смотрят на меня
Почтительно, зелёными глазами.

Мюнхен, 1967

Г.И.

Но была ли на самом деле
Эта встреча в Летнем Саду
В понедельник, на Вербной Неделе,
В девятьсот двадцать первом году?

Я пришла не в четверть второго,
Как условлено было, а в пять.
Он с улыбкой сказал: — Гумилева
Вы бы вряд ли заставили ждать.

Я смутилась. Он поднял высоко,
Чуть прищурившись, левую бровь.
И ни жалобы, ни упрека.
Я подумала: это любовь.

Я сказала: — Я страшно жалею,
Но я раньше придти не могла.
Мне почудилось вдруг — на аллею
Муза с цоколя плавно сошла.

И бела, холодна и прекрасна,
Величаво прошла мимо нас,
И все стало до странности ясно
В этот незабываемый час.

Мы о будущем не говорили,
Мы зашли в Казанский Собор
И потом в эстетическом стиле
Мы болтали забавный вздор.

А весна расцветала и пела
И теряли значенья слова
И так трогательно зеленела
Меж торцов на Невском трава.

1964 г.

Г.И.

Дни лучезарней и короче,
Полны тревогой звездной ночи,
И снова наступает осень
Золототканным торжеством.
О, до чего же мир несносен
В однообразии своем!
Однообразье красоты,
Однообразье безобразья,
Однообразные черты
Всех этих « я » и этих « ты »,
Однообразие веселья,
Однообразие тоски,
Круговращенье карусели,
Взлет и падение качелей,
Часы, минуты, дни, недели
Горят, как ночью мотыльки,
На белом пламени тоски,
На черном пламени похмелья
Воспоминаний.

1953-1963

Я во сне и наяву
С наслаждением живу.
И.О.

В чужой стране,
В чужой семье,
В чужом автомобиле...
При чем тут я?

Ну да, конечно, было, были
И у меня
Моя страна,
Мой дом,
Моя семья
И собственный мой черный пудель Крак.

Все это так.
Зато потом
Когда февральский грянул гром —
Разгром
и крах,
И беженское горе, и
Моря — нет — океаны слез...
И роковой вопрос
Зачем мы не остались дома?
Давно наскучивший рассказ
О нас
Раздавленных колесами истории.
Не стоит вспоминать о том,

Что было. Было, да прошло
И лопухом
забвенья поросло...
...Хрустальный воздух Пиреней.
Все безрассудней, все нежней
Вздыхает сердце.
На высоте трехтысячеметровой —
Где снег небесно-голубой —
Жизнь кажется волшебно новой,
Как в девятнадцать лет
На берегах Невы.

Орел бесшумно со скалы
Взметнулся ввысь
И полетел
К Престолу Божьему
Должно быть.

— Мгновение, остановись!
Остановись и покатись
Назад:
В Россию,
В юность,
В Петроград!

Крик сердца,
До чего банальный крик,
Лишенный волшебства
И магии.

Ведь знаю я,
Что этот миг
Не остановится
И не покатится назад,
И не вернутся мне

Моя страна,
Моя семья,
Мой дом,
Мой черный пудель
Крак.

Я не многострадальный Иов,
Который после всех утрат
Стал снова славен и богат —
Славнее и богаче во стократ.

Не будет у меня, как у него,
Ни сыновей, ни дочерей,
Ни сказочных дворцов,
Ни рощ оливковых ,
Ни аравийских скакунов,
Верблюдов, коз, овечьих стад,
Ни шелковых ковров
Ни слуг покорных,
Ни драгоценностей библейских...

Не будет ровно ничего
И никого.
Не будет даже канарейки
Герани на окне,
Зеленой лейки —
То, что доступно каждой швейке,
Но недоступно мне.

И все таки наперекор всему —
Сама не понимая, почему, —
Наперекор безжалостной судьбе
И одиночеству,
По прежнему во сне и наяву
Я с наслаждением живу.

1962

Ожиданье Страшного Суда?
Страшный Суд происходит всегда,
Завтра, сегодня, вчера,
С вечера и до утра.

Дальше нечего ждать —
Ни ангелов, ни чертей
Ни райских, ни адских затей.
Дальше нет ничего. Дальше лишь торжество
Дальше лишь благодать
Вечности и бессмертия.

Все же поверьте,
Ангелы и черти,

Встретить хотела бы я вас
Хоть мимоходом, случайно, на час,
Хоть на минутку крылато-хвостатую.

1961

Да, бесспорно, жизни начало
Много счастья мне обещало
В Петербурге над синей Невой —
То, о чем я с детства мечтала
Подарила судьба мне тогда,
Подарила щедро, сполна,
Не скупясь, не торгуясь : — На !
Ты на это имеешь право.
Все мне было удача, забава
И звездой путеводной — судьба,
Мимолетно коснулась слава
Моего полудетского лба..

Что связывает нас, всех нас?
Взаимное непонимание.
Георгий Иванов

Сияли фонари. Текла спокойно Сена.
Я не предчувствовала зла.
И вдруг...
Нет, это не любовная измена,
Не африканской ревности недуг.
Нет, это проще и больнее в много раз.
Я плачу. Слезы катятся из глаз:
— Прощай — прощайте, мой последний друг.

Сомкнулся навсегда порочный круг
Обиды, одиночества и тьмы
И больше « я » и « вы » не составляем « мы ».

Взаимное непониманье,
Смущенное пожатье рук
Прощенье это, или прощанье?
Не все-ль равно, ведь навсегда.
Без обещанья: — досвиданья.

Что делать мне теперь? Итти куда?
О если бы зло предчувствовать заране.

Сократ когда-то говорил
(Сократ? А может быть Эсхил?)
— « Друзья мои, нет на земле друзей »
И с этим надо помириться.

Неволя ты, невольница,
Разлука ты, разлучница,
Чужая сторона!
Так еженощно мучиться
У лунного окна.

Царапается, колется
Бесовская бессоница,
Бесовская-тоска.
Хоть на луну завой,
Хоть закричи совой,
Взлети до потолка!

Но нет, постой, постой,
Постой и помолчи —
«В муку все перемелется»,
(Не му́ка, а мука́
Та, что нужна для хлеба)
Ты видишь там, в ночи,
В апофеозе неба,
Скрестились, как мечи,
Победные лучи.

За лунною оконницей,
За городской околицей
Несутся тучи конницей
В июньском небе вскачь,
В победоносном шелесте,
В победоносной прелести
Всех будущих удач.
Играй зарю, трубач!

1961

Г.И.

Волшебная, воздушная весна.
На глади золотисто-голубой
Луна,
Как лотос на воде.
Звезда поет, звезда летит к звезде...

Не все ли мне равно, весна или зима?
О, Господи, что делать мне с собой,
Чтоб не сойти с ума?

Совсем не то. Не то, не то
И не о том.
Тревожно спит усталый дом,
Кряхтящим ,стариковским сном.
На вешалке висит пальто.
Не помню где,
Не помню кто
Сравнил висящее на вешалке пальто
С повешенным.
Но надо быть слегка помешанным
Для этакого вот сравненья.

Ах, вспомнила. Ведь это я сама
В моем стихотворении
С названьем «Ночь в вагоне».
В нем все качанье и движенье,
В нем о кукушке и вороне,

О фантастической погоне
За призрачным оленем,
В нем волны вдохновения с волнением,
С тоской железнодорожной
Смешаны.
В нем о веронской пересадке
И о моей потерянной перчатке —
Ее искать придется мне
Во тьме кромешной и огне
В аду,
Как предсказал мне критик и поэт.

Но нет,
Не ада я, а рая жду:
Я твердо верю, что в раю
Я родину найду свою,
Что там, в раю я буду дома.

Я на земле всегда была изгнанницей,
Бездомной босоножкой-странницей,
Ходившей — весело — по мукам.

1961

« Островом может стать каждый ».
Имп. Елизавета Австрийская

— « Островом стать может каждый ! »
Это сказала однажды
В час огорченья и гнева —
Странствований королева —
Елизавета Австрийская.

« Островом стать может каждый... »
Островом ? Что это значит ?
Сердце вздыхает и плачет,
Слезы по ветру летят
И улетают назад
Брызгами волн океанских
На океанское дно.

Знать никому не надо
То, что судьбой суждено.
...Нож. И смертельная рана...

Стройность прекрасного тела,
Нежная прелесть лица...
Плана она не имела,
Счастья найти не умела
В долгих скитаньях своих,
Вечно томимая жаждой
Дальних, чужих горизонтов,
Очень боялась конца.
И умерла не поняв, не заметив,
Что умирает.

— Может ли каждый
Островом стать ?
Вряд ли мне это удасться узнать. —
Вряд-ли я островом стану.

1961

И опять в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.
Георгий Иванов

За прозрачной, сквозной занавеской окна
Голубиной дорогой летит
Голубая луна.
Бьет двенадцать. Кругом все безрадостно спит.
Я не сплю. Мне совсем не до сна.

Завтра утром... Но как далеко до утра !
Разве было вчера или позавчера,
Будни, праздники, всякие там вечера,
Дни и полдни
С той самой поры,
Как не кончив игры,
Словно камень с горы,
Словно камень, упавший в колодец забвенья...

Я не помню, не помню и помнить не надо
И деревья чужого, французского сада
Серебристой листвой в забытьи упоенья
Легким отзвуком ангельски-райского пенья
Широко шелестят под луной...

— Ты вернулся. Ты снова со мной,
Мы выходим из темного, спящего дома
И по набережной над Невой...

Белой ночью, волшебной весной
В тихий, тихий, таинственный час...

Как мне все здесь до боли знакомо !..
Ты со мною веселый живой,
Взлет бровей, очерченный четко
Над мерцаньем насмешливых глаз.

Летний Сад. Кружевная решетка...
Навсегда, неразлучно вдвоем
Мы с тобою обнявшись идем
По аллее Летнего Сада.

— Ты вернулся. Я страшно рада !
Я не помню ни горя, ни зла,
Я счастливой такой, как сейчас,
Никогда еще не была.
Все как будто-бы в первый раз.
Видишь, в небе звезда упала
И за нею другая опять.
Ничего я не пожелала —
Больше нечего нам желать.
Ты не веришь ? Поверь мне, поверь,
Навсегда все прекрасно теперь !..
Видишь, видишь луна участливо
Распахнула нам вечности дверь,
Стелет ковриком Млечный Путь.

Но с тобой мне и вечности мало !..
Ах, я счастлива, счастлива, счастлива !
Я устала, устала, устала !

Спать !
Скорее, скорее уснуть !
Так уснуть, чтоб уже не проснуться...

1960

Еще один окончен день,
Ненужный и неповторимый.
Таинственно, как в сказках Гримма,
Прозрачная ложится тень
На дольней жизни дребедень:
На книги, на постель, на двери,
На бархатные лапки кошки,
На огорченье и потери,
На бледность вдовьего лица,
На боль, которой нет конца.

В незанавешанном окошке,
Скользя по тучам, как ладья,
Располагая рот к зевоте,
Луна поет на светлой ноте:
— А вот и вечер. Вот и я,
Вот будет ночь и вы уснете!..

1920-1960

« Звезды, звезды, откуда такая тоска ? »
А. Блок

У зеркального пруда
Белая томится лилия.
Кто занес ее сюда,
В мировое одиночество ?

Адрес, возраст, имя, отчество
и фамилия...
Одиночество мое,
одиночество твое,
Наше, ваше, их
одиночество.

Вечер благостен и тих,
В небе празднично-прозрачном
Первая зажглась звезда,
А за ней вторая, третья,
Сотни, миллиарды звезд.

Звезды — древнее пророчество,
Музыка астрологическая
И тоска,
тоска магическая —
« Звезды, звезды, откуда такая тоска ? »

Кто услышет, кто опишет
Одиночество звезды,
Одиночество мое,
Одиночество твое,
Наше, ваше, их одиночество ?..

1959

Г.И.

Лепестками вечности
Вьются мотыльки,
Холодком беспечности
Тянет от реки.

Квакают лягушки на
Топком берегу.
Вспоминаю Пушкина.
Вспомнить не могу
Что зачем и почему,
С целию какой
В роковой его судьбе.

Ты о нем с тоской
Бредил, умирая.

Неужели ни ему,
Ни ему и не тебе,
Не увидеть рая?

1958

Г.И.

Уже не в Иере, а в Ганьи
Холодной, западной весной
В круговращеньи чепухи,
Не розы, пальмы, соловьи,
А клены, жабы, лопухи
Свидетели тоски дневной,
Участники ночной тоски.

Но одиночества тиски...
С какою пыткою, с какой
Сравниться может одиночество?

Сбылось извечное пророчество,
Зловещая насмешка рока
до срока
Несправедливо
и жестоко.
Ведь жизни светлое начало
Мне столько счастья обещало,
А я теперь одна стою
На скользком, гибельном краю
обрыва.

Нет в мире дружеской руки,
Которая бы удержала,
В час огнедышащей тоски,
Меня от гибели — паденья

Томленье, головокружение
Над страшной бездною.
И вот
Паденье это иль полет?..
В сумасводящем вдохновении
Изнемогая я пою —
Так как поет пред смертью лебедь —
Отчаянье, тоску мою.

И ангел смерти в звездном небе
Смущенно слушает меня.

1958

В ТЕ БАСНОСЛОВНЫЕ ГОДА...

Нет, я не буду знаменита
Меня не увенчает слава,
Я — как на сан архимандрита —
На это не имею права.

Ни Гумилев, ни злая пресса
Не назовут меня талантом.
Я маленькая поэтесса
С огромным бантом.

1918 г.

— Скажите, вам приятно жить?
— О да! Конечно, даже очень!
Мне с жизнью весело дружить
Союз наш неразрывно прочен
И благостен.
За годом год
Кошачьей поступью идет
По звеньям той цепи златой
И дуб зеленый надо мной
Широкошумною листвой
Золотовейной тишиной
Лирно-лирически поет.
Все сладкозвучней, все нежней.

1919 г.

СОН

...Остроконечные чернеют в небе крыши,
Все спит кругом.
Бегу опасливее серой мыши
Вот наконец твой дом.

Я вбила гвоздь в твои ворота
В полночный час.
Дрожу. Страшна моя работа
Фонарь погас.

Из дома вышел ты усталою походкой
И подошел ко мне.
Я притворилась девочкою кроткой
Припав к стене.

Ты на меня взглянул как будто я прохожий
И вдруг узнал меня,
Сказал: — Нехорошо людей во сне тревожить
Вам разве мало дня?

1919 г.

А ко мне в полуночном сне
Прилетала рыжая сестра
И со мной пробыла до утра
И в подарок оставила мне
Уголек своего костра,
Чтобы помнила я о сестре,
Чтобы косы стали мои
Красны как медь,
Чтобы мне, как и ей сгореть
На костре.

1919 г.

Н. Гумилеву

Вьется вихрем вдохновенье
По груди моей и по рукам,
По лицу, по волосам,
По цветущим рифмами строкам
Я исчезла. Я — стихотворенье
Посвященное Вам.

1919 г.

ПОЭТ

Белым полем шла я ночью
И странник шел со мной.
Он тихо сказал качая
Доброй, снежной головой :

— На земле и на небе радость,
Сегодня Рождество,
Ты грустна оттого, что не знаешь,
Сейчас ты увидишь его.

И поэт прошел предо мною,
Сердцу стало вдруг горячо.
И тогда сказал мне странник :
— Через правое взгляни плечо !

Я взглянула. Он был печальный,
Добрый был он, как в стихах своих.
И в небе запели звезды,
И ветер холодный стих.

И опять сказал мне странник :
— Через левое плечо взгляни !
Я взглянула. Поднялся ветер,
И в небе погасли огни.

А он стал злой и веселый,
К нему подползла змея.
Под тонкой рукой блеснула
Зеленая чешуя.

Год прошел и принес с собою
Много добра и много зла
В дом пять на Преображенской
Я походкой робкой вошла.

Низкая комната. Мягкая мебель.
Книги повсюду и теплая тишь —
Вот сейчас выползет черепаха,
Пролетит летучая мышь.

Но все спокойно и просто,
Только совсем особенный свет.
У окна папиросу курит
Не злой и не добрый поэт.

1920 г.

ПАМЯТИ ГУМИЛЕВА

Мы прочли о смерти его,
Плакали громко другие.
Не сказала я ничего,
И глаза мои были сухие.

А ночью пришел он во сне
Из гроба и мира иного ко мне
В черном старом своем пиджаке
С белой книгой в тонкой руке.

И сказал мне : « Плакать не надо,
Хорошо, что не плакали вы.
В синем раю такая прохлада,
И воздух тихий такой,
И деревья шумят надо мной,
Как деревья Летнего Сада »...

1921

Скрипнула зловеще половица,
Двери распахнулись на балкон.
Это сон, тебе все это снится,
Это только скверный сон.

Вот вхожу я рыжей кошкой,
В комнату твою звенящей тишиной
Впрыгнула бесшумно на окошко,
Зорко наблюдая за тобой.

Как иголки колят злые взгляды
Немигающих, кошачьих глаз —
Нет прощения и нет пощады,
Все окончится теперь, сейчас.

Легким воздухом ночной прохлады
Подыши еще в последний раз.

Не уйти тебе от кошки рыжей —
(Если б ты от сна очнуться мог !..)

Вот я подползаю ближе, ближе,
Вот сейчас я сделаю прыжок !..

1921

В городе не знаешь даже, что зима,
В городе большие, мрачные дома
И живут в домах расчетливые люди
Вечно беспокоясь : что-то завтра будет ?

А в лесу морозно, солнечно и тихо
Выйдет на прогулку круглая ежиха,
На снегу блестящем колыхнется тень,
Из еловой чащи выглянет олень,
Вьется грациозно рыжая лисица
И поводит носом — чем бы поживиться ?
Звери ищут корма, нá небо глядят
На морозно-райский, розовый закат
И в глазах их мысли ясные, простые,
И совсем небесные и совсем земные.

1921

С луны так сладостно и верно веет
Великое предчувствие любви,
Но верить счастию печаль не смеет —
Печальных, Господи, благослови !

В сияньи лунном пролетает птица,
Благоуханно дышит резеда.
Любовь до гроба может только сниться,
Тебя я не увижу никогда.

И все напрасно здесь на этом свете —
Когда-нибудь найдешь ты мой портрет
— Кто это ? — спросишь ты,
Тебе ответят,
Кто я была и что меня уж нет.

Задумаешься ты и тихо скажешь :
Вот эту женщину я б мог любить.

Я знаю это будет. Знаю даже,
Что долго будешь ты по мне грустить.
И никогда другую не полюбишь.

Г.И.

Любовь. Как изучать ее законы?
О чудо из чудес счастливый брак!
Бывают изумительные жены —
Бывают и бывали — это так.
Да, это непреложный факт.

Вот Пенелопа. Или Андромаха,
Покорные и мужу и судьбе...
Но я скажу без гордости и страха,
Без преувеличенья о себе:

Я строю замки на песке сыпучем,
Слова любви пишу я на воде,
Но если даже улетишь ты к тучам
И там — ни на луне, ни на звезде —
Не в мире том, что называют лучшим —
Такой жены ты не найдешь нигде.

1922

Г.И.

Летят на юг соловьи
Дорогой певучей и дальной.
Улыбаются губы твои,
Но сердце мое печально.

Откуда печаль моя
Хотя бы лишь на мгновенье ?
Ведь мне улыбка твоя
Как соловьиное пенье.

1922

Луна. Новогодняя ночь.
Ворона сидит на окне.
— Ворона, прошу вас, убраться прочь
И не возвращаться ко мне!
Ворона зловещее каркнула: Кра!
И стукнув клювом в окно,
В сиянии лунном исчезла, но
Теперь не уснуть до утра.

А время идет.
                    И вот настает
Тысяча девятьсот
                    Двадцать первый год.
— Не жди от него добра!..

1920

Он сказал: — Прощайте, дорогая!
Я, должно быть, больше не приду.
По аллее я пошла, не зная
В Летнем я саду, или аду.

Тихо. Пусто. Заперты ворота.
Но зачем теперь итти домой?
По аллее черной белый кто-то
Бродит спотыкаясь, как слепой.

Вот подходит ближе. Стала рядом
Статуя, сверкая при луне.
На меня взглянула белым взглядом,
Голосом глухим сказала мне:

— Хочешь, поменяемся с тобою?
Мраморное сердце не болит.
Мраморной ты станешь, я — живою.
Стань сюда. Возьми мой лук и щит.

— Хорошо — покорно я сказала —
Вот мое пальто и башмачки.
Статуя меня поцеловала,
Я взглянула в белые зрачки,

Губы шевелится перестали,
И в груди не слышу теплый стук.
Я стою на белом пьедестале
Щит в руках, и за плечами лук.

Кто же я ? Диана иль Паллада ?
Белая в сиянии луны
Я теперь — и этому я рада —
Видеть буду мраморные сны.

Утро... С молоком проходят бабы,
От осенних листьев ветер бур.
Звон трамваев. Дождь косой и слабый
И такой обычный Петербург.

Господи ! И вдруг мне стало ясно —
Я его не в силах разлюбить.
Мраморною стала я напрасно —
Мрамор будет дольше сердца жить.

А она уходит, напевая
В рыжем, клетчатом пальто моем.
Я стою холодная, нагая
Под осенним ветром и дождем.

1922

Облаками, как пушистой шалью
Зябкая укуталась луна.
Эта осень началась печалью
И печалью кончится она.

Осень — это время расставанья,
Но никто не скажет мне — прости !
Говорят чужие — До свиданья !
И еще : — Счастливого пути !

Только, как счастливый путь найти ?
1923 г.

Я знаю,
Что в море плавають большие рыбы,
Спокойно плавниками шевеля
И в девственных лесах бредут стадами
Столетние слоны на водопой,
И пестрые летают попугаи,
Гортанным криком воздух наполняя.
И где то там на севере медведи
Глядят на белое сиянье ночи,
И глупые моржи заводять пляски,
А в городах спешат толкаясь люди,
И трудятся, и проклинают труд
У всякого своя любовь и злоба,
И собственная горькая судьба.
И в небе над усталою землею
Огромные стоят в молчаньи звезды
И обещают каждому кто хочет
Спокойствие и исполненье снов.

1923 г.

Сияет дорога райская,
Сияет небесный сад,
Гуляют святые угодники
На райские розы глядят.

Идет Иван Иванович
В люстриновом пиджаке,
С ним рядом Марья Филиповна
С французской книжкой в руке.

Прищурясь на солнце райское
С улыбкой она говорит:
— Ты помнишь, у нас в Кургановке
Такой же прелестный вид.

И пахнет совсем по нашему
Черемухой и резедой,
Сорвав золотое яблоко
Кивает он головой.

— Да, все как у нас в Кургановке,
Манюрочка, ручку дай,
Подумать, мы в Бога не верили
А вот и попали в рай.

1923

БАЛЛАДА О ПЛОЩАДИ ВИЛЛЕТ

Роману Гулю

Ложатся добрые в кровать,
Жену целуя перед сном,
А злые будут ревновать
Под занавешенным окном.

А злые будут воровать —
Не может злой не делать зла.

А злые будут убивать
Прохожего из-за угла.
И окровавленной полой
Нож осторожно вытрет злой.

А в спальне доброго луна
Глядит бледна и зелена,
И злые снятся сны ему
Про гильотину и тюрьму.
Он просыпается крича
Отталкивая палача.

А злой сидит в кафэ ночном,
Над рюмкой терпкого вина,
И засыпает легким сном,
Хотя ему и не до сна.

Во сне ему двенадцать лет,
Он в школу весело бежит.

И там на площади Виллет
Никто убитый не лежит.

1923

БАЛЛАДА О ТОЛЧЕНОМ СТЕКЛЕ

Корнею Чуковскому

Неправо о стекле те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов.
Ломоносов

Солдат пришел к себе домой,
Считает барыши.
— « Ну, будем сыты мы с тобой,
И мы, и малыши.

Семь тысяч ! Целый капитал !
Мне здорово везло —
Сегодня в соль я подмешал
Толченое стекло ».

Жена вскричала : — « Боже мой !
Убийца ты и зверь !
Ведь это хуже, чем разбой —
Они помрут теперь ».

Солдат в ответ : — « Мы все помрем,
Я зла им не хочу.
Сходи-ка в церковь вечерком,
Поставь за них свечу ».

Поел и в чайную пошел,
Что прежде звали Рай.

О коммунизме речь повел
И пил советский чай.

Прошло три дня и стал солдат
Невесел и молчит.
Уж капиталу он не рад,
Барыш не веселит.

А в полночь сделалось черно
Солдатское жилье.
Стучало крыльями в окно
Слетаясь, воронье.

По крыше скачут и кричат,
Проснулась детвора,
Жена вздыхала. Лишь солдат
Спал крепко до утра.

В то утро встал он позже всех
Был сумрачен и зол.
Жена, замаливая грех,
Стучала лбом о пол.

« Ты-б на денек — сказал он ей —
Поехала в село —
Мне надоело — сто чертей —
Проклятое стекло ! »

Жена уехала, а он
К окну с цыгаркой сел
Вдруг слышит похоронный звон —
Затрясся, побледнел.

Семь кляч влачат по мостовой
Досчатых семь гробов.
В окно несется бабий вой
И говор мужиков :

— « Кого хоронишь, Константин ? »
— « Да Глашу, вот — сестру.
В четверг вернулась с имянин
И померла к утру.

У Никанора помер тесть,
Клим помер и Фома,
А что такая за болесть,
Не приложу ума ».

Настала ночь. Взошла луна,
Солдат ложится спать,
Как гроб тверда и холодна
Двухспальная кровать.

И вдруг... Иль это только сон ?
Вошел вороний поп.
За ним огромных семь ворон
Внесли стеклянный гроб,

Вошли и встали по углам.
Сгустилась сразу мгла.
« Брысь нечисть ! В жизни не продам
Проклятого стекла ! »

Но поздно. Замер стон у губ,
Семь раз прокаркал поп
И семь ворон подняли труп
И положиил в гроб,

И отнесли его в овраг
И бросили туда
В гнилую топь в зловонный мрак —
До Страшного Суда.

1919

БАЛЛАДА ОБ ИЗВОЗЧИКЕ

К дому по Бассейной шестьдесят
Подъезжает извозчик каждый день,
Чтоб везти комиссара в комиссариат —
Комиссару ходить лень.

Извозчик уснул. Извозчик ждет
И лошадь спит и жует.
И оба ждут. И оба спят —
Пора комиссару в комиссариат !

На подъезд выходит комиссар Зон,
К извозчику быстро подходит он —
Уже не молод. Еще не стар
На лице отвага. В глазах пожар —
Вот каков собой комиссар.
Он извозчика в бок и лошадь в бок
И сразу в пролетку скок !

Извозчик дернет возжей
Извозчик крикнет : « Ну ! »
Лошадь ногу поднимет одну
Поставит на землю опять,
Пролетка покатится вспять,
Извозчик щелкнет кнутом,
И двинутся в путь с трудом.
В пять часов извозчик едет домой,
Лошадь трусит усталой рысцой.

Сейчас он в чайной чайку попьет
Лошадь сенца пока пожует.

На дверях чайной засов
И надпись: «Закрыто по случаю дров».
Извозчик вздохнул: «Ишь, чертов стул!»
Почесал затылок и снова вздохнул.

Лошадь снова трусит усталой рысцой
Голодный Извозчик едет домой.

На утро подъехал он в пасмурный день
К дому по Бассейной шестьдесят,
Чтоб везти комиссара в комиссариат —
Комиссару ходить лень.
На подъезд выходит комиссар Зон
К извозчику быстро подходит он —
Извозчика в бок и лошадь в бок
И сразу в пролетку скок!

Но извозчик не дернул возжей
Не дернула лошадь ногой
Не крикнул извозчик: Ну!
Не подняла лошадь ногу одну
Не щелкнул извозчик кнутом
Не двинулись в путь с трудом.
Комиссар вскричал: «Что за черт!
Лошадь мертва, извозчик мертв!
На площадь Урицкого пять!
Теперь мне пешком придется бежать»

Небесной дорогой голубой
Идет извозчик и лошадь ведет с собой.
Подходят они к райским вратам.
— «Апостол Петр! Отворите нам!»
Раздался голос святого Петра:

— « А много вы сделали в жизни добра ? »
— « Мы возили в комиссариат
Каждый день комиссара туда и назад,
Голодали мы тысячу триста семь дней —
Сжальтесь над лошадью бедной моей !
Тепло и сытно у вас в раю,
Впустите меня и лошадь мою ! »
Апостол Петр отпер дверь
На лошадь взглянул : — « Ишь, тощий зверь !
Ну, так и быть — полезай ! »
И вошли они в Божий рай.

1921

БАЛЛАДА О РОБЕРТЕ ПЕНТЕГЬЮ

Возле церковной ограды дом
Живет в нем веселый могильщик Том
С женой своей Нэнси и черным котом.

Если звонят колокола
Новая к Богу душа отошла.
Роет могилу веселый Том
Мертвому строит уютный дом.
Кончив работу, идет он домой
Очень довольный своей судьбой —
Могильное любит он ремесло.
Быстро проходят зимние дни,
Вот уже вечер и солнце зашло.
В сумерках зимних мелькнули огни
Словно сверканье церковных свечей.
Том прошептал : Господи, сохрани —
И меж могил зашагал скорей.
Кто-то зовет его : — « Том ! Эй, Том ! »
В страхе он огляделся кругом —
На свежей могиле уселись в ряд
Девять котов и глаза их горят.
Том закричал : — « Кто меня зовет ? »
— « Я » — отвечает тигровый кот.
Шляпу могильщик снимает свою —
Никогда не мешает вежливым быть :
— « Чем, сэр могу я вам служить ? »
— « Скажите Роберту Пентегью,
Что Молли Грей умерла !
Не бойтесь — вам мы не желаем зла ! »
И с громким мяуканьем девять котов
Исчезли между могильных крестов.

Нэнси пряжу прядет и мужа ждет,
Сонно в углу мурлычет кот.
Том, вбегая, кричит жене:
— «Нэнси, Нэнси, что делать мне?
Роберту Пентегью я должен сказать,
Что Молли Грей кончила жизнь свою.
Но кто такой Роберт Пентегью
И где мне его отыскать?»
Тут выскочил черный кот из угла
И закричал: «Молли Грей умерла?
Прощайте! Пусть Бог вам счастье пошлет!»
И прыгнул, в камин горящий, кот.

Динь-дон! Динь-динь-дон!
Похоронный утром разнесся звон.
Девять юношей в черных плащах
Белый гроб несут на плечах.
— «Кого хоронят?» — Том спросил
У Сэма, уборщика могил.
— «Никто не слыхал здесь прежде о ней,
Зовется она Молли Грей
И юношей этих не знаю совсем» —
Ответил Тому уборщик Сэм
И плюнул с досады. А Том молчал.
О котах он ни слова не сказал.

Я слышала в детстве много раз
Фантастический этот рассказ
И пленил он навеки душу мою —
Ведь я тоже Роберт Пентегью —
Прожила я так много кошачьих дней.

Когда же умрет моя Молли Грей?

1920

БАЛЛАДА О ГУМИЛЕВЕ

На пустынной Переображенской
Снег кружился и ветер выл.
К Гумилеву я постучала,
Гумилев мне дверь открыл.

В кабинете топилась печка,
За окном становилось темней.
Он сказал : — « Напишите балладу
Обо мне и жизни моей.

Это, право, прекрасная тема.
Но смеясь я ответила — Нет !
Как о вас написать балладу ?
Ведь вы не герой, а поэт.

Он не спорил. Но огорченье
Промелькнуло в глазах его.
Это было в вечер морозный
В Петербурге на Рождество

Я о нем вспоминаю всё чаще,
Все печальнее с каждым днем,
И теперь я пишу балладу
Для него и о нем :

Плыл Гумилев по Босфору
В Африку, страну чудес,

Думал о древних героях
Под широким шатром небес.

Обрываясь падали здвезды
Тонкой нитью огня
И каждой звезде говорил он
— Сделай героем меня !

Словно в аду в пустыне
Полгода жил Гумилев,
Сражался он с дикарями,
Охотился на львов.

Со смертью не раз он встречался
В пустыне под небом чужим,
Когда он домой возвратился
Друзья потешались над ним :

— А, Николай Степаныч,
Ну, как веселились вы там ?
И как поживают жираф и
Друг ваш гипопотам ?

Во фраке немного смущенный
Вошел он в сияющий зал
И даме в парижском платье
Руку поцеловал :

Я вам посвящу поэму,
Я вам расскажу про Нил,
Я вам подарю леопарда,
Которого сам убил.

Веял холодом страусовый веер,
Гумилев не нравился ей :

— Я стихов не люблю.
На что мне шкуры диких зверей?

Когда войну объявили
Гумилев ушел воевать.
Ушел и оставил в Царском
Сына, жену и мать.

Средь храбрых он был храбрейшим
И может быть оттого
Вражеские снаряды
И пули щадили его.

Но приятели косо смотрели
На Георгиевские кресты:
— Гумилеву их дать — умора!
И насмешка кривила рты.

— Солдатские. По эскадрону.
Кресты такие не в счет.
Известно, он в дружбу с начальством
По пьяному делу ведет!..

...Раз незадолго до смерти
Сказал он уверенно — Да!
В любви, на войне и в картах.
Я буду счастлив всегда.

Ни на море, ни на суше
Для меня опасности нет!
И был он очень несчастен,
Как несчастен каждый поэт.

Потом поставили к стенке
И расстреляли его

И нет на его могиле
Ни креста, ни холма. — Ничего.

Но любимые им серафимы
За его прилетели душой
И звезды в небе пели :
...Слава тебе, герой !..

1923

ОГЛАВЛЕНИЕ

Парапсихическое ощущение 7
Королевская мантия 8
Тень пространства, времени тень 9
Снег — серебрянный порошок 10
Антитеза 12
Я благодарна небу и судьбе 16
Ненароком, скоком-боком 17
Он мне полушутя писал из Ниццы 18
А если нет, а если да? 19
Лунный блик и горсточка пыли 20
Я — поэт и вдова поэта 21
Я с юности всегда умела 22
Как этот летний вечер тих 23
В рассветный час метаморфоз 24
Я в руку камушек беру 25
« Вращается фортуны колесо » 26
Луна качается на облаках 27
Нежданно, хоть пожалуй, зря 28
Но была ли на самом деле 29
Дни лучезарней и короче 30
В чужой стране 31
Ожиданье Страшного Суда? 34
Да, бесспорно, жизни начало 35
Сияли фонари. Текла спокойно Сена 36
Неволя ты, невольница 37
Волшебная, воздушная весна 38
— « Островом стать может каждый » 40

За прозрачной, сквозной занавеской окна . . . 41
Еще один окончен день 43
У зеркального пруда 44
Лепестками вечности 45
Уже не в Иере, а в Ганьи 46

В ТЕ БАСНОСЛОВНЫЕ ГОДА...

Нет, я не буду знаменита 51
Скажите, вам приятно жить? 52
Сон 53
А ко мне в полуночном сне 54
Вьется вихрем вдохновенье 55
Поэт 56
Год прошел и принес с собою 57
Памяти Гумилева 58
Скрипнула зловеще половица 59
В городе не знаешь даже что зима 60
С луны так сладостно и верно веет 61
Любовь. Как изучать ее законы? 62
Летят на юг соловьи 63
Луна. Новогодняя ночь 64
Он сказал: — Прощайте дорогая 65
Облаками, как пушистою шалью 67
Я знаю, что в море плавают большие рыбы . . . 68
Сияет дорога райская 69
Баллада о площади Виллет 70
Баллада о толченом стекле 71
Баллада об извозчике 74
Баллада о Роберте Пентегью 77
Баллада о Гумилеве 79

Книги стихов того же автора :

ДВОР ЧУДЕС, изд-во « Мысль », Петроград, 1922.

КОНТРАПУНКТ, изд-то « Рифма », Париж , 1951.

СТИХИ НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ,
Париж, 1951.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ, изд-во « Рифма », Париж, 1961.

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris